

УДК 06

*Лю Сяньчжун
Liu Xianzhong*

Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы

**An analysis of the pros and cons of the localization policy
of the Soviet Union in the 1920's**

В 20-е годы XX в. в СССР главной линией национальной политики стала политика «коренизации». Данная политика была направлена на содействие развитию культур бывших угнетённых народов, она должна была показать, что партия уважает традиции и права представителей этнических групп, входящих в состав Союза, а также укрепить большевистскую власть на местах. Однако эта политика вызвала появление децентрализаторских тенденций, усиление местного национализма, дискриминации «неместного» населения (в том числе и русских) на территориях республик.

Ключевые слова: СССР, национальная политика, «коренизация»

In the 1920's, the Soviet regime implemented a localization policy in the ethnic regions in order to win support from them. The localization policy promoted the development of culture and education of the minorities, made the minorities feel that they were highly regarded by the Soviet regime, boosted their trust in the authorities and consolidated the position of the regime in the ethnic regions. But the localization policy also lead to a local nationalism and jeopardized or ignored the interests of the none-natives in the ethnic regions.

Key words: Soviet Union, ethnic policy, localization

Предисловие переводчика

Предлагаемая российскому читателю статья китайского учёного, ведущего научного сотрудника Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (г. Пекин) Лю Сяньчжуна посвящена довольно редкой теме – анализу политики «коренизации», проводившейся в СССР в 20-е годы XX в. Интерес этот, однако, вызван тем, что строительство государственного аппарата КНР, концептуальные основы внутренней политики, в т.ч. и национальной, были заимствованы у «старшего брата». Несмотря на то, что автор анализирует политику 20-х годов (Лю Сяньчжун – специалист по советской истории этого периода, и на русском языке уже выходила одна его работа [10]), его интересуют вопросы куда менее отдалённые, а именно причины распада СССР. В Китае вышло немало исследований этой проблемы, некоторые из

Публикация подготовлена при поддержке гранта ОИФН РАН, проект № 12-И-ОИФН-01

Перевод выполнен с небольшими сокращениями по изданию: Лю Сяньчжун. Эршишици-эршиняндай Сулянь «бэньтухуа» чжэнцэ дэ либифэньси // Элосысюэкань. 2013. № 1. С. 79-84. Переводчик: Ставров Иван Валерьевич.

ЛЮ СЯНЬЧЖУН, ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии. (г. Пекин, КНР).

них переведены на русский язык [16, 18]. Китайские учёные одной из важнейших причин, вызвавших распад СССР, видят протворечия в национальной сфере, ввиду того, что наша страна, как, впрочем, и ЧССР, СФРЮ были федерациями. Предваряя выводы Лю Сяньжуня, отмечу, что он в целом негативно оценивает советский опыт политики «коренизации» (или «национализации», в литературе встречается оба этих термина). Однако хотел бы обратить внимание читателя, что в КНР реализована в сущности та же политика, и унитарный характер государственного устройства не стал тому помехой. В национальных районах, согласно Конституции и Закону о районной национальной автономии, руководителем местного правительства должен быть представитель национальности, осуществляющей автономию, и доля национальных кадров в них не должна быть ниже 30%. По аналогии с СССР там также возникла проблема «новых меньшинств» [8, 12]. Тем не менее, советский опыт не стал менее поучительным и его актуальность возрастает в связи с ростом этнического сепаратизма в Синьцзяне, Тибете и некоторых других территориях [15], а также в целом китайского национализма. Думаю, у отечественного читателя китайская интерпретация советских реалий вызовет немалый интерес.

И.В. Ставров

Политика «коренизации» проводилась в 1920-е годы Советской властью в национальных районах посредством замещения национальными языками русского, инкорпорирования аборигенов в политику местных властей. Её целью стало исправление проводимой царской Россией политики насильственной русификации, усиление доверия этнических меньшинств к Советской власти, через поощрение местных жителей к активному участию в управлении. Основы концепции коренизации проводились Сталиным на XII съезде РКП(б), на котором он предложил: «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и междунациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать междунациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик, и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношении» [3, с. 492]. В резолюции XII съезда чётко записано: «[съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:] д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обеспечивающих местное национальное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств» [3, с. 695-696]. Таким образом, XII съезд РКП(б) официально провозгласил политику «коренизации» в качестве основного курса в разрешении национального вопроса партией большевиков.

1. Положительные результаты политики «коренизации»

По окончании XII съезда, РКП(б) начала реализацию политики «коренизации». В то время партия большевиков внедряла эту политику в двух основных направлениях.

С одной стороны, она проводила «коренизацию» партийного и государственного аппарата. До Октября царское правительство посредством внедрения русских в систему управления национальными районами осуществляла политику принудительной русификации. После взятия власти партией большевиков, национальности, проживающие на своей территории, стали активно вовлекаться в партийные и административные структуры, повысив долю представителей местных народов в органах управления каждой национальной республики. С начала реализации политики «коренизации» в 20-е годы XX в. доля национальных меньшинств в рядах коммунистической партии, партийных и государственных органах очевидно поднялась. С 1922 по 1927 гг. доля русских членов РКП(б) сократилась с 72 до 65% [5, с. 275]. Так, на Украине к концу 1920 г. доля украинцев в общей численности населения составляла 80%. В апреле 1922 г. численность украинцев в РКП(б) составила 23,3%, русских и евреев 53,6 и 13,6% соответственно [9, с. 371]. В то время доля украинцев в правительственном аппарате не превышала 35% [14]. С 1922 по 1932 гг. доля коренного населения в партийных организациях Украины и Белоруссии возросла с 24 и 21 % до 59 и 60% соответственно. В республиках Средней Азии доля коренного населения уже составляла половину в 1932 г. [5, с. 275]. В 1924 г. доля украинцев в ЦК компартии Украины и органах власти провинциальной ступени составило 39,9%; в ЗСФСР¹ численность представителей данной территории в центральном партийном и провинциальном аппарате составило 54,3%, среди них доля грузин свыше 29%, армян 22,5%, других тюркоговорящих народов (главным образом азербайджанцев) составила 1,5%; в различных органах власти Туркменистана численность коренного населения составила 10%, Казахстана – 8,5%. В 1925 г. партийные и государственные структуры Белоруссии включали 42,6% белорусов, ЦИК Башкирии состоял из 50,5% башкир, а ЦИК Якутии – из 16 % якутов. Накануне 1930 г. соотношение коренных кадров в каждой национальной республике было нижеследующим: в Белоруссии – 59,4%, Украине – 36,2 %, ЗСФСР – 29,94%², Казахстане – 12,7 %, Татарстане – 33,8%, Азербайджане – 36,79%, Армении – 93,53%, Грузии – 74,6% [17]³. Но необходимо подчеркнуть, что, несмотря на реализацию политики «коренизации» в Средней Азии, недостаток хорошо образованных кадров привёл к тому, что местные народы по-прежнему оставались в меньшинстве, а русские преобладали, и такое положение вещей серьёзно не менялось.

С другой стороны – РКП(б) строила большое число национальных школ⁴, расширяла использование национальных языков. В царской России правительство проводило политику насильственной русификации, на этнические меньшинства накладывались значительные ограничения

¹ Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика – существовавшее с 1922 по 1937 гг. федеративное объединение Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР. – *Здесь и далее, если не указано иначе, прим. пер.*

² Вероятно, имеется ввиду аппарат ЗСФСР, в то время как доля коренных национальностей в органах власти Армении, Азербайджане и Грузии составляла иные значения.

³ В изданном на Украине учебнике сообщается, что с 1923 по 1927 гг. доля украинцев госаппарате республики возросла с 35 до 54%. См.: [9, с. 374], – *прим. авт.*

⁴ Здесь и далее под национальными школами имеются ввиду учебные заведения, в которых преподавание ведётся на родном языке (民族语学校 миньцзуйсюэсяо).

на использование национальных языков, культуры и образования. Что касается Украины, то в 1906 г. министерство народного просвещения России согласилось сделать украинский язык вспомогательным средством «разъяснения ученикам неясного содержания», но в следующем году это решение было отменено. В 1908 г. правительство отказалось принять инициированный некоторыми депутатами Думы законопроект об использовании украинского языка при обучении в начальной школе. В 1911 г. Совет министров подчеркнул, что в связи с тем, что малороссы (ранее именовавшиеся украинцами) и белорусы не могут быть причислены к иноплеменникам, они должны «использовать в обучении русский язык». Министерство внутренних дел в феврале 1914 г. выступало против чествования 100-летия со дня рождения знаменитого украинского поэта Т.Г. Шевченко. Ограничения в области просвещения евреев были ещё более строгими. В августе 1908 г. Совет министров строго определил долю евреев, поступающих в высшие учебные заведения: в административных центрах губерний – 3%, в городах вне зон оседлости – 5 %, в зонах оседлости – 10% [4].

На начальном этапе Советская власть не только отменила ограничения предшествовавшей эпохи в области развития языков и культуры национальных меньшинств, но и повсеместно учреждала национальные школы, распространяла национальные языки, позволяла учащимся обучаться на родном языке, таким образом удовлетворяла требования тех народов, которым в течение многих борьбы не удавалось достичь результата. В начальных школах РСФСР в 20-е годы XX в. преподавание велось на 68 языках [1, с. 41-42]. Народный комиссариат РСФСР по национальным делам даже разрешил местным властям Татарстана открывать религиозные школы, а также в советских училищах в свободное от уроков время по просьбе родителей преподавать религиозные догматы специальными учителями за отдельное вознаграждение [1, с. 47]. К 1927 г. 90% белорусских, 94 % киргизских и почти 96 % татарских учеников на территориях своих республик использовали родной язык при обучении в начальной школе [5, с. 276]. В 1923 г. в СССР насчитывалось 411 польских школ, в которых работало 685 преподавателей и обучалось 16086 учеников. В августе 1924 г. белорусскими и украинскими католиками был поставлен вопрос о польскоязычных учебных заведениях. 17 сентября 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу комиссии по пограничье предложило «увеличить сеть национальных школ» [6, с. 121].

Помимо учреждения большого числа национальных школ и популяризации языков этнических меньшинств, Советское правительство требовало вести официальный документооборот и издавать учебную литературу на национальных языках. Например, в ЗСФСР в 1925 г. большинство официальных документов центральных ведомств составлялось на местных языках; ЦИК Белоруссии также вёл документацию на белорусском языке; аналогичная практика сложилась на Украине. Если в 1922 г. на Украине лишь 20% документов составлялось на украинском языке, то в 1927 г. их доля возросла до 70% [9, с. 374]. Несмотря на то, что украинские промышленные районы переходили на использование украинского языка, этот процесс проходил сравнительно медленно. Но, в конце концов, он стал господствующим в официальном документообороте и просвещении. В 1929 г. в Украинской ССР 80 % начальных и средних школ, свыше 60 % профессионально-технических училищ и 30 % вузов вели преподавание на украинском языке. Расширилось издание литературы: на нём стало выходить свыше половины книг, газет и журналов. К 1930 г. соотношение украинских и русских школ составило 10:1, 2/3 ПТУ и 1/3 вузов вело преподавание на украинском языке [14].

В этот период правительство СССР провело большую работу по созданию письменности для не имеющих её народов, в 20-е–30-е годы 46 таких этносов получили свой алфавит.

Эти меры имели целью не только развитие национальных языков и культуры, но и стали важной основой распространения коммунистической идеологии. Политика коренизации сделала так, что каждый народ почувствовал уважение к Советской власти, усилила их доверие к администрации и укрепила новую власть в районах проживания национальных меньшинств. Национальной политике партии большевиков в этот период дали высокую оценку некоторые западные учёные, а также советские диссиденты. Один немецкий историк назвал «золотым веком» советскую национальную политику 20-х годов [5, с. 274].

2. Негативные стороны политики «коренизации».

С помощью политики «коренизации» партия большевиков после Октябрьской революции не урегулировала национальный вопрос раз и навсегда, наоборот реализация этого курса также привнесла некоторые новые проблемы.

Во-первых, претворение политики «коренизации» привело к тому, что были проигнорированы интересы некоренных национальностей (включая и русских). Г.К. Орджоникидзе в 1923 г. на XII съезде РКП(б) высказал мнение относительно того, что в республиках оставляют без внимания нетитульные народы: материалы 1923 г. свидетельствуют, что в Совнаркоме Грузинской ССР не имелось ни одного народного комиссара из русских или армян, такая же ситуация была и в ЦК компартии республики. В Тифлисском совете 2-го созыва (в 1936 г. Тифлис был переименован в Тбилиси) доля грузин составляла 43 % (несмотря на то, что их численность в столице Грузии едва достигла 25%), армян – 17% (свыше 1/3 жителей города) [17, с. 134]. В некоторых национальных районах русские стали новыми «национальными меньшинствами», что пошло им во вред. В августе 1923 г. ЦИК СССР по получении аналитического доклада сразу распорядился: «во многих образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения...» [17, с. 131]. В Горской АССР¹ представители русских жителей обратились с воззванием: «Жизнь русского населения стала ... невыносимой и ведёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики... Полное разорение экономики края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими...» [17, 131–132]. Некоторые русские, проживавшие в Калмыкии, выдвигали такие требования: «Нам нужно предоставить право наравне с калмыками» [17, с. 132]. Игнорирование интересов русских проявлялось за пределами Российской Федерации в союзных республиках, имеющих свою партийную организацию. На XIV съезде РКП(б) в декабре 1925 г.² партия была переименована в ВКП(б), что стало следствием дискуссии о создании русской коммунистической партии³. Тогда Г.К. Орджоникидзе внёс предложение о формировании русской парторганизации. Это предложение было поддержано М.И. Калининым. К.Е. Ворошилов также считал, что при переименовании партии соответственно названию государства «логически необходимо организовать русскую Коммунистическую партию

¹ Горская АССР (20 января 1921 г. – 7 ноября 1924 г.) – автономная республика в составе РСФСР с центром в г. Владикавказ.

² В цитируемой ниже работе А.И. Вдовина речь идёт о декабрьском Пленуме ЦК 1925 г.

³ По аналогии с КП Украины и других республик СССР.

потому, что в составе СССР имеется РСФСР». Но Сталин возражал на это требование, полагая, что создание особой русской коммунистической партии представляется «величайшей опасностью, ибо могло бы привести к федералистскому раздроблению партии» [2, с. 26].

Во-вторых, политика «коренизации» привела к росту националистических настроений, и ЦК во время корректировки этого курса прибегал к ненормальным методам, в некоторой степени ставшими предлогом для этнических чисток. Например, в начале 1928 г. в Армении была раскрыта так называемая группа «специфистов» («独特性主张者»), которую обвинили в придании слишком большого значения исключительности народов республики. Председатели исполкомов Узбекистана и Туркестана У. Ходжаев и Хыдыралиев были обвинены в «правонационалистическом уклоне», укрывании баев (крупных владельцев пастбищ и помещиков у народов Средней Азии и Синьцзяна). Как бывшие чиновники царского правительства, они проводили националистическую линию до тех пор, пока не были присланы представители Центра для противодействия им. В 1926 г. в Казахстане острой критике были подвергнуты республиканские чиновники С. Садвокасов, С. Хаджанов и Ж. Мунбаев за поддержку «националистического уклона» и группы эксплуататорских элементов аулов (деревня на Кавказе и Средней Азии), мешающих промышленному развитию и предпринимающих энергичные действия по раздлению республики. В 1926 г. известный деятель Т. Раскулов был обвинён в националистических проступках. Выдающейся представитель большевиков Татарстана М.-Х. Султан-Галиев в 1923 г. был исключён из партии, а потом началось длительное расследование дела «Султан-Галиевской группировки» (он был расстрелян в 1940 г.). В условиях отсутствия достоверных данных, репрессии в отношении националистов осуществлялись таким образом, что все народы понесли урон [13, с. 200].

В-третьих, политика «коренизации» преимущественно отменила проводимую вопреки желаниям нетитульных народов политику насильственной русификации, проводимую в царской России. Однако процесс её внедрения в некоторых регионах также продемонстрировал пренебрежение реальной обстановкой и даже шёл в разрез с чаяниями национальных меньшинств посредством административных предписаний принудительного характера. Так на выборах в Белорусской ССР жители примыкающих к РСФСР деревень выступили «против белорусификации школы». Некоторые еврейские деревни Смоленской области в 1927 г. выступали за то, чтобы официальные документы переводились на еврейский язык, однако полагали, что сейчас это невозможно сделать. На Украине тогдашний первый секретарь ЦК КП(б)У Эммануил Квиринг накануне 1 января 1925 г. издал постановление о завершении украинизации государственного аппарата и предприятий, в результате в апреле 1925 г. его заменили Л.М. Кагановичем. Назначенный на пост народного комиссара просвещения СНК Украины А.Я. Шумский с горячностью начал проводить решение ЦК ВКП(б) и правительства на всестороннюю украинизацию. Численность учеников-украинцев в Одессе не достигала и 1/3, однако все школы также были подвергнуты украинизации. Эта политика не получила поддержки среди широких народных масс, однако не только в школах и научных организациях, но и в других органах и в повседневной жизни украинский язык вводился с помощью принуждения и «стахановскими» темпами. В течение нескольких лет в Киеве перестали выходить издания на русском языке, к тому же некоторые пожилые служащие, которые плохо понимали по-украински, жестоко и беспощадно замещались лицами, свободно владеющими языком титульной нации. Основные должности стали занимать украинцы, а в некоторых организациях и все посты. В то время служащие каждого предприятия и

организации, вплоть до последней уборщицы и сантехника подверглись украинизации. Людей, не выдержавших экзамен по украинскому языку, увольняли без права получения пособия по безработице [14].

3. Заключение

Советская политика «коренизации», проводимая в 20-е годы XX в., была направлена на исправление царского курса на русификацию, однако она не обошлась без перегибов и имела негативные последствия, вплоть до того, что через 70 лет привела к распаду СССР. После распада Советского Союза бывший президент Украины написал: «Л. Каганович не знал украинского языка, но ударными темпами освоил его, что послужило примером подчинённым. Он принял в партию большое число украинцев, поднял долю титульного народа в ней, вскоре большинство книг, журналов и газет стали выходить на украинском языке. Некоторые известные деятели науки и культуры, писатели, доверившись коммунистам, возвратились на Украину. Украинский язык стал вводиться в Красной армии и школах командного состава. Вплоть до 1927 г. ПТУ и вузы переходили на преподавание только на украинском языке. В 1930 г. доля школ, использующих родной язык достигла 85 %. Не говоря о ситуации 20-х годов XX в., следует признать, что если бы в то время не осуществляли политику «украинизации» в школах, возможно сегодня мы бы не имели независимости. Массовость украинской школы воспитала множество украинцев...» [7, с. 19; см.: 11, с. 100]. Как показала практика, советский опыт национальной политики не успешен, он отнюдь не нашёл способ, каким образом укрепить и развить многонациональное государство, гарантировать гармоничное сосуществование народов, их совместное процветание. Изучая советскую практику политики «коренизации», мы можем заключить: в национальной политике нельзя впадать в крайности, слепо верить в административную мощь, следует уважать собственный выбор народов; в едином государстве недопустимо опираться на отдельный народ и устанавливать для его представителей особый социальный статус, очень важно воспитывать гражданское равенство и сознательность. Опыт Советского Союза заслуживает изучения и обобщения.

Литература

1. Бурмистрова Т.Ю. Зёрна и плевелы: национальная политика в СССР (1917 – 1984). СПб.: б.и., 1993. 160 с.
2. Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов (об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 4. С. 17-39.
3. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
4. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 39-52.
5. Капеллер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / Пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

6. Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. 222 с.
7. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М.: «Время», 2003. 559 с.
8. Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР. 1949 – 1999. М.: ИДВ РАН, 2001. 184 с.
9. Лановик Б.Д. Лазарович М.В. Истоія України. Київ: Знання-пресс, 2006. 598 с.
10. Лю Сяньчжун. Китайско-советский конфликт на КВЖД 1929 г. // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире. Сб. ст. / Отв. ред. Ю.В. Латушко и И.В. Ставров. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 78-81.
11. Медведев Р. Расколота́я Украина. М.: Институт экономических стратегий, 2007. 176 с.
12. Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949 – 1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.
13. Национальный вопрос на перекрёстке мнений: 20-е годы. Док. и материалы. М.: Наука, 1992. 268 с.
14. Политика украинизации. [Электронный ресурс]. URL: http://revolution.allbest.ru/languages/00001301_0.html (дата обращения: 20.02.2014 г.).
15. Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации Китая (1978 – 2002 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 94-104.
16. У Эньюань. Причины распада СССР / пер. с кит. В.Г. Булова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2007. № 4. С. 80-88.
17. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126-139.
18. ЧжаоЧанцин. Распад Советского Союза под национальным углом зрения / пер. с кит. и предисл. А.А. Москалева // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 86-95.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Burmistrova T.YU. Zyorна i plevly: natsional'naya politika v SSSR (1917 – 1984). SPb.: b.i., 1993. 160 s.
2. Vdovin A.I. Natsional'naya politika 30-kh godov (ob istoricheskikh kornyakh krizisa mezhnatsional'nykh otnoshenij v SSSR) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 1992. № 4. S. 17-39.
3. Dvenadtsat'j s'ezd RKP(b). Stenograficheskiy otchyot. M.: Politizdat, 1968. 903 s.
4. Dyakin V.S. Natsional'nyj vopros vo vnutrennej politike tsarizma (nachalo KHKH v.) // Voprosy istorii. 1996. № 11-12. S. 39-52.
5. Kapeller A. Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: vzniknovenie, istoriya, raspad / Per. s nem. S. CHervonnoj. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 342 s.
6. Kostyushko I.I. Pol'skoe natsional'noe men'shinstvo v SSSR (1920-e gody). M.: In-t slavyanovedeniya RAN, 2001. 222 s.
7. Kuchma L.D. Ukraina – ne Rossiya. M.: «Vremya», 2003. 559 s.
8. Lazareva T.V. Kadrovoe stroitel'stvo v natsional'nykh rajonakh KNR. 1949 – 1999. M.: IDV RAN, 2001. 184 s.
9. Lanovik B.D. Lazarovich M.V. Istoiya Ukraini. Kiiiv: Znaniya-press, 2006. 598 s.
10. Lyu Syan'chzhun. Kitajsko-sovetskij konflikt na KVZHD 1929 g. // Tikhookeanskaya Rossiya i strany ATR v izmenyayushhemsya mire. Sb. st. / Otv. red. YU.V. Latushko i I.V. Stavrov. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. S. 78-81.
11. Medvedev R. Raskolotaya Ukraina. M.: Institut ehkonomicheskikh strategij, 2007. 176 s.
12. Moskalev A.A. Teoreticheskaya baza natsional'noj politiki KNR (1949 – 1999). M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001. 224 s.

13. Natsional'nyj vopros na perekryostke mnenij: 20-e gody. Dok. i materialy. M.: Nauka, 1992 . 268 s.
14. Politika ukrainizatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://revolution.allbest.ru/languages/00001301_0.html (data obrashheniya: 20.02.2014 g.).
15. Stavrov I.V. Natsional'naya politika v sisteme modernizatsii Kitaya (1978 – 2002 gg.) // Rossiya i ATR. 2006. № 4. S. 94-104.
16. U EHn'yuan'. Prichiny raspada SSSR / per. s kit. V.G. Burova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 2007. № 4. S. 80-88.
17. KHmara N.I. Iz opyta natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR (1920-e – 1930-e gody) // Otechestvennaya istoriya. 2006. № 3. S. 126-139.
18. CHzhaoCHantsin. Raspad Sovetskogo Soyuza pod natsional'nym uglom zreniya / per. s kit. i predisl. A.A. Moskaleva // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 3. S. 86-95.